© ЭО, 2003 г., № 4

А.В. Сивер

СОЦИАЛЬНОЕ УСТРОЙСТВО КАК ФАКТОР ЭТНИЧЕСКОЙ ИДЕНТИФИКАЦИИ АДЫГОВ-ШАПСУГОВ

При выделении этнической группы из однородного массива обоснованием такого выделения могут выступать характеристики самого различного свойства. Так, особое положение этнической группы шапсугов в рамках адыгской общности может быть подчеркнуто в том числе их некогда «демократическим» статусом (вместе с натухайцами и абадзехами), воспоминания о котором до сих пор выступают как одно из доказательств самостоятельности шапсугов как этнической группы. К «аристократическим племенам» адыгов причислялись бжедуги (соседи шапсугов и натухайцев), егерукаевцы, хатукаевцы, темиргоевцы, мохоши, бесленеевцы, кабардинцы. Еще интереснее становится этот факт, если вспомнить, что «демократические» племена не всегда были полностью интегрированы в адыгский массив, а в свое время и вовсе не были интегрированы: «Кабардинцы и другие адыгские племена, сохранившие феодальное управление, называют Абадзехов, Шапсугов и Натухажцев общим именем *Абадзе-чиль*, что значит: Абазинские народы»[1]. Однако и после окончательной интеграции в адыгскую общность «демократичность» шапсугов, а впоследствии воспоминания о ней, были одним из главных отличительных признаков.

Неизменно во всех источниках, включая многие собственно адыгские, главное различие между абадзехами, натухайцами и шапсугами с одной стороны и остальными адыгами с другой относится к области социального устройства. Деление адыгских «племен» на «демократические» и «аристократические» стало общепринятым с конца XVIII – начала XIX вв. и связывалось с якобы произошедшим у черноморских племен в конце XVIII в. «переворотом», ограничившим власть нобилитета в пользу свободного крестьянства. Противостояние шапсугских и натухайских нобилей свободному крестьянству ознаменовалось кровопролитной Бзиюкской битвой 1796 г. между шапсуго-бжедугским «дворянским» и шапсуго-абадзехским крестьянским ополчениями, завершившимся победой «дворян», но только благодаря помощи черноморских казаков; а также Печетникским съездом шапсугских сословий (вероятно, 1803 г.[2]), раз и навсегда определившим принципы их взаимоотношений. Эти два события и стали считаться «началом народного правления»[3].

Однако, конечно, из этого не следует, что «демократизация» черноморских адыгов произошла именно в конце XVIII в. Еще на картах XVII в. население территории, принадлежащей впоследствии натухайцам и шапсугам, обозначалось как «вольные черкесы»[4]. В.К. Гарданов приводит сообщение Николая Витзена (XVII в.) о черкесах «у Меотийского моря и по течению Борисфена», которые «истребили крупную и мелкую знать»[5]. Получается, что «демократическое» устройство имеет гораздо более раннюю историю, чем события конца XVIII в. «Переворот» в этом случае выглядит как попытка сохранить традиционное общественное устройство. Такую интерпретацию событий сохранила и историческая память адыгов: «Потомки египетских князей утвердились между кабардинцами, бесленеевцами и кемиргоевцами, А прочие племена, у которых они не могли укорениться, сохранили древние обычаи в полной чистоте»[6].

Еще более в пользу этого говорит то, что шапсуги и натухайцы были не единственными «демократическими» группами на Черноморском побережье (если под «демократичностью» иметь в виду то, что сословно-иерархическое деление общества не превалирует над каким-либо иным). Абхазо-абазинские общества, как и шапсугское, были социально дифференцированы, но эта дифференциация во многих случаях не имела такого определяющего значения, как, например, в Кабарде. Убыхские, абазинские и абхазские общества, особенно горные, зачастую не признавали над со-

бой власти владетельных правителей и управлялись «старшиной», как правило, выборной[7]. Видимо, в немалой степени этому способствовало сохранение решающего значения родственных связей, которые по силе и авторитету имели преимущество перед социальной дифференциацией. Абхазо-абазинские общества, также как и адыгские, имели иерархию родственных объединений (*ажвла* у абхазов, *кIадыгв* у абазин-ашхарауа и т. п.) с широкими традиционно-правовыми полномочиями, например, у абхазов «изгнанный преступник лишался покровительства своей фамилии… Сам абхазский термин "изгнание" переводится как "исключение из рода", "снятие фамилии"»[8]. В результате значение фамильных объединений становилось больше, чем значение объединений, основанных на власти правителя. Такое положение, впрочем, не было спецификой Северо-Западного Кавказа. Ю.Ю. Карпов, исследовавший «вольные общества» в северокавказском масштабе, «на материалах по дагестанскому тухуму, вайнахскому тейпу, осетинской фамилии», указывал, что для таких обществ «экономической основой» была сельская община, а внутри таких общин находились «патриархальные кровно-родственные группировки различного ранга»[9].

На этом фоне сам результат «демократизации» черноморских адыгов внешне выглядит не столь впечатляюще, как его представляет дореволюционная историографическая традиция. Во-первых, не совсем ясно, что представляла собой вооруженная составляющая «переворота» – действительно социальную борьбу или «межплеменной» конфликт. Вот как, например, представляется дело Анапскому трехбунчужному паше Сеид-Мустафе: «Народы из черкес и абазинцев именуемы первые шапсик а последние бзедук имея между собою почти непрестанную ссору, и хотя от стороны моей послан был [человек] ради примирения их, но бзадуки в рассуждении жительства своего близ реки Кубана, и имея дружбу с черноморскими козаками видно прибегли к ним под защиту… и соединя козаки с бзедуками и напав на шапсиков учинили чрезвычайное поражение; где побито немало народу…» – писал он в ноте командованию Черноморского войска вскоре после Бзиюкской битвы[10]. Хан-Гирей, описывая эту битву, пытается соблюсти пафос, присущий описанию народных восстаний, но все равно получается изображение шапсугского нашествия на бжедугские земли[11]. Во-вторых, установленное в результате сословное деление абадзехов, натухайцев и шапсугов почти полностью повторяет сословное деление «аристократических племен», за исключением института князей (*пшъы*, кабард. – *пшIы*). Многие шапсугские и натухайские нобили при переходе на русскую территорию за Кубань[12] фиксировались в документах как «владельцы», т. е. обладающие господским суверенитетом в подвластных общинах[13]. Есть свидетельства о переселении шапсугских «дворян» вместе с крестьянами[14].

Таким образом, получается, что «демократичность» шапсугского и натухайского обществ, если она имела место, затрагивала только отношения знати со свободным крестьянством[15], не меняя положения несвободных категорий (*огов* и *пшитлей* – «крепостных», и *унаутов* – домашней прислуги). Утверждение, что «переворот» уравнял в правах знать и тфокотлей[16], также является преувеличением. Постановления Печетникского съезда, более-менее подробно приведенные Хан-Гиреем, касаются только судебного права, а именно штрафов за убийство и воровство, при этом «…сделаны таким образом уменьшения в правах народа противу прав дворянства…»; об установлениях «касательно гостей, покровительства и проч.» только упомянуто вскользь[17]. Вообще так называемую «адыгскую демократию» сложно описательно восстановить – ее можно лишь умозрительно реконструировать, в результате чего уже в советское время появляются различные версии и разворачиваются дискуссии.

Советские исследователи пытались разрешить эту проблему, опираясь на формационную теорию и рассматривая социальную структуру адыгских обществ с точки зрения феодальной формации, объясняя произошедший в конце XVIII в. «переворот» классовой борьбой. При такой постановке вопроса действительно следует признать, что, как утверждали марксистские ученые, разница между «демократическими» и «аристократическими» племенами была «преувеличенной». Но эта точка зрения сегодня вряд ли может удовлетворить. Возникает главный вопрос – а вправе ли

мы применять термины и методы исследования европейского феодализма к социальной системе адыгов? Европейский феодализм предполагает наличие у господствующего сословия «феодов», т. е. наследственного владения землей с прикрепленными к ней крестьянами; эта собственность одновременно является источником власти – административной, судебной и военной. Между тем, поземельное право адыгов отличается от европейского[18]. Знать владела своей долей общинной земли на общих основаниях, по крайней мере до XIX в. Т.Х. Кумыков и А.Т. Керашев попытались опровергнуть это утверждение фактами земельных сделок, свидетельствовавших, по их мнению, о наличии феодальной частной земельной собственности[19]. Однако все эти факты относятся к 1820–1850-м годам, и сделки главным образом проведены через русскую администрацию. О реальном положении дел в XVIII в. и ранее мы судить по ним не можем.

Соответственно, отечественные исследователи пытались описать сословную систему адыгских «племен», предполагая, что она, как и европейская, основана на феодальном поземельном праве. Возникающие несоответствия отечественными исследователями объяснялись так: «Юридически ни дворяне, ни князья не считались собственниками той земли, которой они фактически владели»[20]; или: «…общинные земельные порядки мешали им (К.Ф. Сталю и Н.Ф. Дубровину. – *А.С.*) разглядеть скрывавшуюся за этими внешне уравнительными принципами распределения земли феодальную земельную собственность»[21]. Однако тогда бессмысленно выглядит утверждение, что «при переселении пше или даже тлокотлеша с одного места на другое… обязаны были переселяться вместе с ним и все подвластные его»[22]. Такое действительно случалось нередко, в частности, при эмиграции адыгских нобилей в пределы Черноморского войска, причем отказ крестьян переселиться часто ставил под вопрос саму возможность переселения[23]. Земля же в этом случае, судя по всему, интересовала владельцев меньше всего. Таким образом, земельная собственность не составляла основу власти «феодала», а крестьяне были «прикреплены» к владельцам, а не к земле. Но и это касается не всех крестьян, так как большинство их составляли тфокотли, имеющие право менять место поселения и, соответственно, владельца, по своему усмотрению[24]. Между тем на этих крестьян все равно распространялась административная и военная власть нобилей. Следовательно, объектом «феодального» владения для адыгского нобилитета была не земля и не крестьяне как таковые, а особая априорная единица, обозначавшаяся собственно как «удел» или «владение». Причем это была не территория, а именно совокупность поселений (общин) и родственных групп, которые могли существовать компактно или на расстоянии друг от друга.

В некоторых исследованиях последнего времени также обращается внимание на сущность адыгской «демократии» и делается попытка определить ее. При этом авторы не удерживаются от соблазна применить термин «демократия» в буквальном, т. е. «западном» смысле. Так, турецкий адыгский просветитель Ю.-С. Нагуч, рукопись которого хранится в Адыгейском республиканском институте гуманитарных исследований[25], полагает, что такая демократия – специфический государственный строй Агучипса, т. е. абадзехов, натухайцев, шапсугов и убыхов. Вслед за ним Н.Н. Денисова утверждает, что основная специфика адыгской демократии состояла «не в формах ее проявления (органы народоправства, имевшие место у адыгов, встречались и у других народов), а в содержании, преобладании нравственного компонента… Жесткого доминирования общества (в лице рода, фамилии) над человеком не наблюдалось»[26]. При том, что оба автора подчеркивают уникальность, специфичность адыгской модели демократии, оба явно пытаются сделать эту модель более понятной европейцу, отыскивая такие непременные признаки демократии, как индивидуальная свобода, ограниченная лишь неписаной моралью, и подчиненность исполнительной власти законодательству, исходящему от народа. Но *адыгэ хабзэ* (обычное право), *адыгэ нэмыс* (этикет) и нормы *адыгагъэ* (адыгства, морально-этических требований к человеку) практически в том же виде существовали и у «аристократических племен» и имели там не меньшее (если не большее) значение[27].

Независимость же личности от диктатуры родовых и общинных институтов и напротив, зависимость «дворян» от воли народа, их подчиненное положение, явно преувеличены в угоду демократической романтике.

О том, какое в действительности значение имели институты родственного сообщества, свидетельствует хотя бы то, что они сохранились до сих пор, по крайней мере во внешнем проявлении, например, в способе расселения фамильными кварталами «хабль» (*хьэблэ*). В аулах Большой Кичмай, Красноалександровские (Лыготх, Калеж, Хаджико) Лазаревского района Сочи такие кварталы до сих пор называются фамилиями, их образующими. Сохраняются и фамильные кладбища в ауле Большой Кичмай, и фамильные «кварталы» на едином кладбище Красноалександровских аулов. При этом в Красноалександровских аулах, представляющих собой практически единое целое, деление на хабли не совпадает с разделением аулов, т. е. относится ко всему массиву в целом. Значение рода подчеркивается и в идее фамильных съездов (съезд Ачмизовых в пос. Ахинтам Лазаревского района летом 1996 г.). Тем более этот институт был значим в XVIII–XIX вв., о чем свидетельствует сложная иерархия родственных объединений. Особенно это проявилось во время переселения представителей «аристократических» племен в земли «демократических». Любопытен сам процесс переселения, зафиксированный в работе Л.Я. Люлье: обращает на себя внимание, что переселялись, как правило, всем родом, а если переселялось несколько семейств, то они причислялись к какому-либо из существующих родов. Черноморские шапсуги до сих пор предпочитают при произнесении полного имени фамилию ставить на первое место, а имя – на второе, а не наоборот, как, например, европейцы. Таким образом, личность в шапсугском обществе, не подверженная контролю коллективных институтов, во многом является конструктом.

Вообще, судя по всему, дихотомия «аристократические/демократические племена» в европейских и русских (впоследствии советских) источниках более идеологического происхождения, чем эмпирического. Примечательно, что П.С. Паллас (у которого мы находим одно из первых упоминаний о шапсугах в европейской литературе), посетивший Северный Кавказ в 1793–1794 гг. и опубликовавший результаты поездки в 1801 г., описывая «демократическое» устройство шапсугского общества, не упоминает о существующем двучленном делении адыгского массива. Объясняется это, вероятнее всего, тем, что он относит шапсугов к «абазскому», т. е. абхазо-абазинскому массиву, а в свете описанной выше «демократичности» черноморских абхазо-абазинских народов, здесь действует дихотомия «абазы/адыги». С.М. Броневский, чей труд был опубликован в 1823 г., уже причисляет шапсугов и натухайцев к черкесам, с оговоркой, что «иные их причисляют к черкесам, иные к абхазам». Особенности социального устройства он указывает отдельно для шапсугов, натухайцев и абадзехов, хотя и одинаковыми фразами: «Владельцев не имеют, управляются старшинами»[28]. В 1829 г. вышел в свет труд Г.Ю. Клапрота (посетил Черкесию в 1807–1808 гг.), в котором уже содержится следующее замечание по поводу шапсугов: «Если сделать попытку этому государственному строю дать название, то его можно было бы назвать республиканско-демократическим»[29]. В 1833 г. появился труд И.Ф. Бларамберга, в котором сообщается, что натухайцы, шапсуги и абадзехи имеют «демократическую форму правления»[30]. В 1834 г. в «Записках о Черкесии» Хан-Гирей также выделяет племена, «не зависящие от власти князей или имеющие народное правление»[31]. Последние три автора уже безоговорочно признают шапсугов и натухайцев адыгскими «племенами», и на фоне остальных адыгов отличают по признаку «демократичности». Получается своеобразная классификация адыгских «племен», которую неизменно использовали все последующие авторы, писавшие об адыгах, так или иначе подчеркивая меньшую власть знати в черноморских «племенах» по сравнению с остальными[32].

Не трудно заметить, что термины, используемые при этом («сохранившие феодальное управление» – для «аристократических», «имеющие народное правление», «республиканцы» – для «демократических племен») более подходят к описанию вариантов правления античной и средневековой Европы и имеют явно идеологическое

происхождение. Начало такой традиции во многом положили сами адыги, точнее, адыгские нобили, противостоявшие массам тфокотлей в событиях конца XVIII в. и обратившиеся за помощью к правительству Российской империи. Для вящей убедительности, движение тфокотлей против узурпации высшим сословием общественной власти было представлено ими как попытка установить «республику»[33]. Соответственно, восприятие всего происшедшего как «смуты», «революции», «переворота» (по аналогии с событиями в Европе и самой России), а социальных отношений в шапсугском, натухайском и абадзехском обществе как «республиканских», «демократических» в противовес «монархическим», «олигархическим», «аристократическим» у других адыгов, доминировало на протяжении всего XIX в., определяя тон описаний и симпатии русского двора.

Последнее, в частности, проявилось не только в том, что в Бзиюкской битве «дворянскому» ополчению была оказана помощь русскими войсками (отряд черноморских казаков и пушка, сыгравшие свою роль в поражении тфокотльского ополчения), но и впоследствии, в период Кавказской войны. Примером тому могут служить события 1846 г. Тогда шапсугские и натухайские «дворяне» заключили с русскими мир и формально признали над собой власть русского царя, мотивируя это тем, что «народ вышел из повинности и во всем сравнился с нами; все простые люди самоуправствуют и производят беспорядки, не слушая один другого, таким образом народ присвоил себе те права и преимущества, которыми пользовались только наши деды и отцы»[34]. Знать просила у русских помощи против «простого народа». Дальнейшее развитие событий было связано с ответной реакцией народных собраний и последующим переселением «дворян» на контролируемую русскими войсками территорию.

Сами европейцы, описывая «племена» адыгов, включали их в собственную «систему координат» и проводили смелые аналогии с известными им явлениями. При этом, естественно, наблюдатели конца XVIII–XIX вв. ориентировались на общепринятую типологию форм правления (монархия – аристократия – демократия), проведенную еще в античное время[35]. События, связанные с европейскими революциями, особенно с Французской революцией, породили еще одну схему противопоставления: монархия (единоличная наследная власть) – республика (отсутствие такой власти). Опираясь на эти схемы, европейцы пытались определить в ней место для каждой группы адыгских «племен»: «В последнее время административное управление у Натуцхажцев и Шапсугов, до водворения между ними влияния Шамиля через его агентов, следующее: I. Общественное управление, как не имеющее главы, республиканское. II. Законодательная и распорядительная власти имеют начало свое в народе; следовательно управление должно считаться демократическим»[36].

С другой стороны, все это в некотором роде могло быть связано с идеей «доброго дикаря», противопоставленного во многом испорченному «цивилизованному» человеку. Воспринимать адыгов как «дикарей» заставлял образ дикого разбойника (горца вообще), прочно укоренившийся в общественном сознании XIX в. Стереотип «гибельного Кавказа» был настолько очевиден, что туристы опасались посещать его: «Какое безумие, – рассуждали тогдашние обывательницы, – ехать в Пятигорск, терпеть все лишения и невыгоды трудного пути по южным степям России, для того только, чтобы сделаться пленницей какого-нибудь бородатого черкеса»[37]. «Черкесы, – писал французский путешественник Ж.-В.-Э. де Тебу де Мариньи, – представляют собой в настоящее время удивительную картину свободного населения, которое остается неизменно в состоянии почти варварском, хотя окружены они более цивилизованными народами»[38].

Однако ко временам Ж.-Ж. Руссо и французского Просвещения восходит традиция идеализировать образ жизни аборигенов, считая его «естественным» для человека. «Обладая страстями столь мало деятельными, и уздою столь спасительною, эти люди скорее неистовые, чем злые, более озабоченные тем, чтобы оградить себя от зла, чем подвержены искушению причинить зло другому…», – писал Ж.-Ж. Руссо о первобытных людях, осуждая «цивилизованных» европейцев[39]. По аналогии с

этим любой народ, не включенный в орбиту европейской цивилизации, воспринимался как чистый, не испорченный, благородный[40]. В этот же ряд попали и народы Кавказа, в том числе и адыги: «Хорошо жилось нам в старое время в родимых наших аулах, – пишет от имени горца-шапсуга участник Кавказской войны А. Ржондковский. – Жили мы в живописном ущелье, по бокам которого прихотливо раскинуты были сакли отдельными дворами… Порой, в часы досуга, в тени этих же деревьев слышались рассказы стариков о битвах, которыми так богато наше прошедшее, о подвигах наших джигитов, о людях, которых более не увидеть нам»[41].

Отсюда – наблюдаемое в ряде случаев преклонение перед свободолюбивыми черкесами. «Сколько удивительного и достойного изучения мы найдем в этом народе. Борьба демократизма и феодализма; характеры истинно рыцарские; герои, исполненные доблести, чести, ума и высокого красноречия; воспитание презрения ко всем слабостям тела и духа, к которым сама природа расположила человека – выше суровости спартанской»[42]. Этот романтический образ перекочевал и в литературу, в частности русскую, превратившись в благородного разбойника, наподобие Робин Гуда или казака. А.А. Бестужев-Марлинский, описывая набег кабардинцев на покорный русским аул, замечал, что те, унося самое ценное, не жгли ни дома, ни поля: «…это правило горского разбойника, не ужасающегося ни каким злодейством, есть доблесть, которою бы могли гордиться народы самые образованные, если бы они ее имели»[43]. А.С. Пушкин, воспринимавший горцев по рассказам очевидцев, придал им в своих поэмах «…жизни простоту,/ Гостеприимство, жажду брани,/ Движений вольных быстроту…»[44]. Одним словом, «Черкес весь – поэтическое создание войны и творец ее»[45].

Однако, разумеется, адыги в силу некоторых «цивилизованных» деталей своей культуры (развитая социальная система, монотеистическая религия и др.) не могли восприниматься исключительно с позиции своей «дикости». Необходимы были более «культурные» аналогии, не разрушающие романтического образа. Поэтому в описаниях было хорошим тоном сравнивать Черкесию с «героической» Древней Грецией, которая, как известно, считалась образцовым примером гражданского общества. «Как много общего с нравами античной Греции, Греции Гомера, находим мы у черкесов…» – замечает Дж. Лонгворт[46]. «Одиссея, прочитанная на Кавказе, лицом к лицу с горскими народами, – вторит ему К.Ф. Сталь, – делается вполне понятною…»[47]. Особенно «похожи» адыги оказываются на древних спартанцев. Например, «…как у лакедемонийцев, молодой человек приобретает добрую славу, если он много украл»[48]; а также, «как в Лакедемоне, женатый мужчина не решается показаться на людях вместе со своей супругой, он может посещать ее только без посторонних»[49]. Иногда европейцы начинают сами искать аналогии, и тогда, зачастую, примерами подобного сходства выступают универсальные для многих народов детали. Изображение головы животного на носу черкесского судна воспринимается «сохранившимся на долгие годы воспоминанием о голове барана, изображение которой украшало нос греческого судна, привезшего в эти края Фрикса»[50]; аталычество «вызывает в памяти пример Пилеи, отдавшей Ахиллеса на воспитание кентавру Хирону»[51]; при изучении адыгской религии «ясно, что Ахин (антропозооморфное божество причерноморских адыгов. – *А.С.*) есть Пан древних греков»[52] и т. д. Сами адыги не возражали против античных аналогий и даже иногда использовали их, очевидно, видя в этом момент престижа: по словам Хан-Гирея, один из героев Бзиюкской битвы умер «гордо, как римлянин»[53].

«Борьба демократизма и феодализма» у адыгов, по-видимому, в представлении европейцев также должна была быть подобна борьбе аристократического и демократического начал во внутренней и внешней политике античных полисов и вообще антагонизму «либеральных» и «тоталитарных» традиций античного мира[54]. С этой точки зрения, видимо, европейцами и воспринимались события конца XVIII в., ставшие своеобразным «хронологическим отсчетом» адыгской «демократии» и формирования биполярной политической системы в рамках адыгской общности.

Сформированные таким образом стереотипы канонизировались и становились общепризнанными фактами; это проявлялось в различных аспектах. Так, например, при-

нятые ныне в качестве устоявшихся терминов слова «князь» и «княгиня» – не дословный, а смысловой перевод слов *пшъы* и *гуашъэ*. Сами по себе эти слова означают, соответственно, «хозяин», «господин» и «хозяйка», «госпожа». Они используются для обозначения высшего владельческого сословия, видимо, как показатель их абсолютного верховенства (*къуаджепшъ* – владелец аула). Однако они также употребляются, например, для обозначения свекра и свекрови, точнее главы семьи и его жены (*пшъыкъу* – деверь, букв. «сын свекра», покровительницу дождя называют Ханцегуаше и т. д.). Таким образом, слова «пши» и «гуаше» изначально имеют несколько иное значение, чем воспринимается сегодня. Между тем, именно это, нынешнее значение, т. е. княжеский титул, зачастую выдается за основное: пересказывая свадебное приветствие, обращенное друзьями жениха к свекрови, информант сразу перевел на русский язык слово «гуаше», т. е. «свекровь»: «Вот ты и стала княгиней» (аул Большой Кичмай, 1997 г.).

Равным образом было канонизировано понятие «дворянин», применительно к категориям адыгской знати ниже пши (сословие *оркъ*). К подобным фактам относится и использование тюркского термина *узден* в значении «дворянин». Само по себе это слово такого значения не имело: в Карачае, например, этим словом действительно обозначалась старшая знать, а в Дагестане – свободные крестьяне. Тем не менее, это слово было использовано применительно ко всему Северному Кавказу именно в первом значении. С.М. Броневский проводил прямую аналогию между кабардинскими уорками и польской шляхтой, между удельными системами Кабарды и рыцарской системой Прибалтики[55]. Такие переносы характерны и для авторов последующего времени: «Феодалы делились на два основных разряда. К первому относились князья, тлокотлеши и дыженуго; они владели землей на вотчинном праве, как князья и бояре в России в феодальное время; второй разряд феодалов составляли беслан-уорки и уорк-шаотлугусы, которые владели землей на "поместном" праве с условием несения военной службы своим сеньорам»[56]. Таким образом, конструирующая схема зачастую формирует последующее всеобщее восприятие явления.

Выступая в качестве информантов для европейских, в том числе русских, наблюдателей, адыги должны были применять европейскую классифицирующую терминологию: скажем, кабардинский князь Измаил-Бей Атажуков в докладе на имя генерала Глазенапа назвал шапсугов и абадзехов «республиканцами»[57]. Таким образом, адыгская элита усваивала европейское понимание собственного положения, в том числе в рамках демократическо-аристократической дихотомии. При этом практически во всех случаях о существовании в черноморских «племенах» «демократии» мы узнаем от представителей «аристократических племен», между тем, как нобили «демократических племен» не всегда признают этот факт. В уже упомянутом послании 1846 г. натухайские и шапсугские «дворяне» представляют движение низов против их власти как событие текущего периода (1840-е годы), а не полувековой давности. Создается впечатление, что для знати «демократических племен» этого разделения не существует, либо она его просто не приемлет.

Это может быть связано с тем, что П. Бурдье называет «борьбой классификаций». Здесь имеются в виду социальные классификации, которые формируют разнообразные социальные группы с распределением между ними различных общественных ролей. Формируют вначале «на бумаге», т. е. в теории, а затем, через навязывание этих классификаций обществу – на практике, т.е. в реальности. «Власть навязывать определенные виды деления» принадлежит тем, кто обладает так называемым «символическим капиталом», т.е. общественно признанным правом на такую власть. Эти существующие или вновь образованные группы действуют в рамках «социального пространства»: «Социальное пространство – абстрактное пространство, конституированное ансамблем подпространств или полей (экономическое поле, интеллектуальное поле и др.), которые обязаны своей структурой неравному распределению отдельных видов капитала»[58] (кроме символического П. Бурдье различает еще экономический, культурный, интеллектуальный и т. п. капитал). Существующее в абстракции, социальное пространство стремится объективизироваться в

пространстве географическом – отсюда различные символические и классифицирующие элементы пространственной организации зданий, поселений, городов и целых государств: «Социальное пространство – не физическое пространство, но оно стремится реализоваться в нем более или менее полно и точно»[59]. Если принять эту точку зрения, то получится, что двучленное деление адыгских «племен», сконструированное «на бумаге» европейцами (благодаря разным факторам) и усвоенное от них адыгской элитой, получило возможность реально воплотиться на практике, так как эта элита обладала в своих обществах «символическим капиталом» (в силу своего знатного происхождения, образованности) и, следовательно, могла диктовать обществу собственный вариант социальной классификации.

Это, конечно, не обязательно означает, что адыгская «демократия» была искусственно создана под эту «классификацию», тем более, что она, как мы видели, имеет более долгую историю, чем сама «классификация». Не исключено как раз обратное: при разделении «племен» на две группы адыгскими нобилями выделялась и подчеркивалась не «демократичность», а «аристократичность», при этом положительно маркируемая. Вот как по этому поводу рассуждал Хан-Гирей: «Счастлив народ, которому священная рука человеколюбивого правителя отверзает врата благоденствия. Где нет власти единодержавной, там с искони нет согласия; там верховная власть, находящаяся в руках буйных партий, превращается в пагубную страсть, которая, разливая свирепое пламя междуусобия в народе, производит кровавые мятежи, что случалось во многих странах, не подвластных единодержавию, что случилось и в Черкессии»[60]. От того же Хан-Гирея узнаем, что бжедугский князь Аходягоко, опасаясь, что его взбунтовавшиеся подвластные крестьяне заключат союз с абадзехами, предупредил последних: «Вы – народ, с которым мы издавна вели дружбу и связи, а они – рабы наши»[61]. В 1818 г. «приверженные» русским властям адыгские нобили объяснялись по поводу набегов на русские укрепления: «Таковые нападения делают черкесы, называемые сапсуг, кои не имеют у себя владельцев»[62].

Следовательно, произошло формирование двух «социальных пространств», оформленных в реальности своеобразной биполярной политической системой внутри адыгской общности – «аристократического» пространства, объединяющего восточные адыгские «племена» во главе с Кабардой, и «демократического», представленного абадзехами, натухайцами и шапсугами. В этих условиях конституируется не только «аристократическая» система, но и «демократия», причем конституируется она именно исходя из противоположности «аристократическим» порядкам. В рамках «демократического» пространства некоторые формы «символического капитала», присущего «аристократическому» пространству, либо не действовали вовсе, либо действовали ограниченно или были трансформированы.

Во-первых, владельческие права знати на общины свободных крестьян были – номинально или в действительности – поставлены под сомнение (что, естественно, не отменяло этих прав относительно несвободных шапсугами категорий). В идеале это должно было выглядеть примерно так: «Вольные земледельцы в племенах, имеющих народное правление, не зная над собой никакой власти иного класса, пользуются совершенною вольностию… Вольные земледельцы в княжеских владениях, хотя и пользуются такою вольностию, которая их отделяет от класса крестьян или крепостных людей… но состоят в зависимости от князей и дворян…»[63].

Во-вторых, еще более повышалась официальная роль органа народного представительства – *хáсэ*. Хасэ являлось основной формой политической жизни общины, а также, соответственно, орудием влияния общинной верхушки и на самих общинников, и на владельца, объединяя в себе функции института управления, законодательства и судопроизводства. Власть пши не отменяла хасэ, но, однако, минимизировала его значение; хасэ «аристократических» племен сохранило в основном лишь функции адатского суда присяжных; при этом формально за хасэ оставались и управленческие права. «Демократическое» устройство высвобождало общины из-под вла-

дельческого контроля. Соответственно, расширялись полномочия самого хасэ, теперь это был не только судебный, но и распорядительный орган.

Собраться на хасэ могли представители подразделений разного ранга: родственной, территориальной либо сословной структуры. В документах сохранились свидетельства как о территориальных, сословных, так и о фамильных собраниях, рассматривавших вопрос отношения к русским во время Кавказской войны[64]. При этом решения любого хасэ имели одинаковую силу, более того – чем ниже был уровень и, соответственно, полнее представительность, тем больше влияния имела хасэ. Обязательность исполнения решений хасэ высокого уровня утверждалась не самим этим уровнем, а клятвой, которую давали участники, например, клятва не мириться с русскими, принятая на собрании 1835 г. на р. Адагум. С этим, видимо, связана упомянутая индивидуальная свобода, действительно действовавшая в ряде случаев в отношении некоторых прав и обязанностей, например, в области исполнения решений хасэ: «...если они не пришли к единому мнению, они расходятся, не приняв никакого решения, так как ни один из них не будет подчиняться мнению, которое не разделяет»[65]. Отсутствие четкой регламентации при таком плюрализме создавало впечатление полной анархии; между тем это была саморегулирующаяся система, оптимальная для горных районов Черноморского побережья Кавказа[66]. «Такое странное и даже немыслимое по нашим понятиям общество, однако, существовало многие века и сколько можно судить было довольно своим положением, ибо, как оказалось на опыте, всякое изменение для него антипатично»[67].

Декларируемая правовая самодостаточность общин и верховенство хасэ выдвигало на первые роли в общественной жизни выборные авторитеты – «старшин». Так, в числе руководителей штурма Гастагаевского укрепления шапсугами и натухайцами упомянут только один уорк – натухаец Шупако[68], в то время, как руководство военными действиями – профессиональное право знати. Дж. Белл даже отмечал, что «...народ не подчинялся власти, основанной на праве давности, но управлялся теми, кто приобрел влияние на общественное мнение...»[69]. Именно выборные старшины вместе с уорками формировали хасэ высших уровней, немудрено, что значение и статус старшин постепенно сравнивались с «дворянским». Соответственно, М.В. Покровский провел аналогию между шапсугскими «старшинами» и европейским «новым дворянством» первых веков Нового времени: «По существу это был новый слой неродовитого дворянства в его своеобразном западнокавказском варианте»[70].

После установления в конце XVIII в. своеобразной биполярной системы «аристократических» и «демократических» социальных пространств, выраженных через выделение соответствующих групп «племен», «демократические» стали пополняться за счет переселенцев из «аристократических племен». Адыгское «племя» более всего представляло собой территориальную и родственную единицу, значит, чтобы стать шапсугом, следовало переселиться на шапсугскую территорию и вступить с шапсугами в отношения искусственного родства. Это переселение, ставшее своеобразной формой социального протеста, приняло такой масштаб, что уже в первой половине XIX в. численность «демократических племен» достигала более половины всего адыгского населения, а шапсуги приобрели такой политический вес, что И.Ф. Бларамберг писал: «Многие черкесы полагают, что если России удастся подчинить себе шапсугов либо силою оружия, либо иным путем, то все черкесские племена последуют примеру шапсугов. Если шапсугов удастся подчинить мирным путем, то они, благодаря своему влиянию, могут склонить к подчинению России и другие племена, если их подчинить силою оружия, то все прочие адыге, увидев падение столь могущественного племени, не окажут никакого сопротивления и перейдут в подданство победителю шапсугов»[71]. Кстати, в приобретении такого веса для шапсугов состояла одна из выгод поощрения иммиграции.

Параллельно происходил процесс переселения некоторых адыгских «дворян» в пределы Черноморского войска, т. е. крепостнической Российской империи, которая, по аналогии, мыслилась цитаделью «аристократических» порядков. Отсюда –

формальное неприятие шапсугским и натухайским нобилитетом «аристократическо-демократической» дихотомии, лишавшей их части «символической власти», и стремление повысить свой статус (до «княжеского») в глазах «аристократических» русских[72]. Принадлежность к тому или иному «племени» воспринималась в некоторой степени и как принадлежность «политическая», что также накладывало определенный отпечаток на восприятие этнодифференцирующих факторов. Кроме того, это оказало огромное влияние на формирование этнической карты Северо-Западного Кавказа: в частности, жанеевцы и шегаки были ассимилированы шапсугами, натухайцами и бжедугами в результате практически поголовного переселения тфокотлей и даже части «дворян» в «демократические племена».

В свете всего вышесказанного понятны причины, по которым отношение, с одной стороны, самих шапсугов к устройству своего общества было сугубо охранительным («…черкесы предпочитают неразбериху и неопределенность, господствующие при их нынешних порядках, ущемлению своих собственных интересов, к которому могло бы привести введение постоянной системы»[73]), а с другой, являлось одним из главных этнических признаков, основным элементом этнического стереотипа и предметом «национальной гордости»: «Шапсуги гордятся тем, что они сами свергли иго своих князей»[74]. По словам шапсугского краеведа Чачуха Маджида из аула Тхагапш (1997 г.): «Мы, шапсуги, первыми в России, и вообще в мире, имели парламент (имеется в виду хасэ. – *А.С.*)». По его версии, у шапсугов вовсе не было «дворян», не говоря о князьях, а его деда в свое время удивил обычай кабардинцев, по которому престарелый раб должен стоять в присутствии более молодого князя.

Таким образом, дихотомия «демократические/аристократические племена», скорее всего, является идеологическим конструктом, созданным не без вмешательства европейских схем. Однако этот конструкт основывался все-таки на реалиях социальной организации шапсугов и натухайцев, менее жесткой в сословном отношении, чем у остальных адыгов. До повсеместного признания шапсугов адыгами это отличие служило одним из факторов отнесения шапсугов к «Абазе», так как имело параллели в убыхском, садзском[75] и абхазском обществах. При включении шапсугов в адыгскую общность «демократичность» продолжала оставаться отличающим признаком, что выделяло их уже в рамках этой общности.

Примечания

[1] *Люлье Л.Я.* Черкесия. Историко-этнографические статьи. Краснодар, 1927. С. 10.

[2] *Кажаров В.Х.* Адыгская хаса: Из истории сословно-представительских учреждений феодальной Черкесии. Нальчик, 1992. С. 156.

[3] Государственный архив Краснодарского края (далее – ГАКК). Ф. 240. Оп. 1. Д. 3028. Л. 40 об.

[4] История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII в. М., 1988. С. 296–297; *Кушева Е.Н.* Из истории сношения западных адыге и северокавказских абазин с русским государством в XVI–XVII веках // Кабардино-Балкарский научно-исследовательский институт. Тр. Вып. 4. Сер. историческая. Ставрополь, 1963. С. 144.

[5] *Гарданов В.К.* Общественный строй адыгских народов (XVIII – первая половина XIX в). М., 1967. С. 247.

[6] *Ногмов Ш.Б.* История адыгейского народа, составленная по рассказам кабардинцев. Нальчик, 1957. С. 71.

[7] См.: *Лавров Л.И.* Этнографический очерк убыхов // Адыгейский научно-исследовательский институт языка, истории и культуры. Уч. зап. Т. VIII. Майкоп, 1968. С. 6; *Кушева Е.Н.* Указ. соч. С. 140; *Инал-Ипа Ш.Д.* Абхазо-адыгские этнографические параллели // Адыгейский научно-исследовательский институт языка, истории и культуры. Уч. зап. Т. IV. Майкоп, 1965. С. 487.

[8] *Анчабадзе Ю.Д.* Абаза (К этнокультурной истории народов Северного Кавказа) // Кавказский этнограф. сб. (далее – КЭС). Т. VIII. М., 1984. С. 141.

[9] *Карпов Ю.Ю.* «Вольные общества» Северного Кавказа в XVIII – первой половине XIX в. (К вопросу о роли патриархально-родовых и общественных институтов в процессе формирования раннеклассовых отношений). Автореф. дис.… канд. ист. наук. Л., 1984. С. 4.

[10] ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 319. Л. 12.

[11] *Хан-Гирей.* Избр. произведения. Нальчик, 1974. С. 202–205.

[12] Это переселение было связано с принятием российского подданства или необходимостью спасти владельца от восставших крестьян.

[13] ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 1003. Л. 6, 16, 53, 66, 75; Д. 1012. Л. 4 и др.

[14] Там же. Л. 127.

[15] *Лфекотлъ* – тфокотли, свободные полноправные крестьяне, находящееся, тем не менее, в даннической зависимости от нобилитета; при своей многочисленности и относительной вольности этот класс крестьянства создал у Хан-Гирея впечатление «самого могущественного сословия» (*Хан-Гирей.* Указ. соч. С. 124).

[16] *Люлье Л.Я.* Указ. соч. С. 21.

[17] *Хан-Гирей.* Указ. соч. С. 206–207.

[18] *Сталь К.Ф.* Этнографический очерк Черкесского народа // Кавказский сб. Т. 21. Тифлис, 1900. С. 130.

[19] См: *Кумыков Т.Х.* Экономическое и культурное развитие Кабарды и Балкарии в XIX в. Нальчик, 1965. С. 135–137; *Керашев А.Т.* Патронат в системе сословно-классовых отношений адыгов в дореформенный период // Культура и быт адыгов. Вып. VII. Майкоп, 1988. С. 4–5.

[20] *Покровский М.В.* Адыгейские племена в конце 18 – первой половине 19 в. // КЭС. Т. 2, М., 1958. С. 121.

[21] *Кажаров В.Х.* К вопросу о феодальных привилегиях в общинном землепользовании адыгов в первой половине XIX века // Вопр. этнографии и этносоциологии Кабардино-Балкарии. Нальчик, 1981. С. 70.

[22] ГАКК. Ф. 348. Оп. 1. Д. 9. Л. 16 об.

[23] См.: *Гарданов В.К.* Указ. соч. С. 47; *Покровский М.В.* Из истории адыгов в конце XVIII – первой половине XIX века: Социально-экономические очерки. Краснодар, 1989. С. 193; *Керашев А.Т.* Указ. соч. С. 6–7.

[24] *Леонтович Ф. И.* Адаты кавказских горцев. Материалы по обычному праву Северного и Восточного Кавказа. Вып. 1. Одесса, 1882. С. 134.

[25] См.: *Денисова Н.Н., Унарокова Р.Б.* Демократия в адыгском обществе: историко-культурные и историко-политические аспекты (по материалам рукописи Нагуча Ю.С. «Легенды») // Докл. Адыгейской (Черкесской) междунар. Академии наук. Т. 1. № 1. Майкоп, 1998. С. 110–114.

[26] *Денисова Н.Н.* Некоторые аспекты адыгской демократии // III Конгр. этнологов и антропологов России 8–11 июня 1999 г. Тез. докл. М., 1999. С. 71.

[27] См.: *Бгажноков Б.Х.* Адыгская этика. Нальчик, 1999.

[28] *Броневский С.М.* Новейшие географические и исторические известия о Кавказе. Извлечение по Центральному и Северо-Западному Кавказу. Нальчик, 1999. С. 133, 138.

[29] Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII–XIX вв. Нальчик, 1974. С. 260.

[30] *Бларамберг И.* Историческое, топографическое, статистическое, этнографическое описание Кавказа. Нальчик, 1999. С. 180.

[31] *Хан-Гирей.* Записки о Черкесии. Нальчик, 1974. С. 199.

[32] Секретная миссия русского разведчика барона Ф.Ф. Торнау. Нальчик, 1999. С. 491; *Спенсер Э.* Путешествие в Черкесию. Майкоп, 1994. С. 102–103; Адыги, балкарцы… С. 485, 549; *Люлье Л.Я.* Указ. соч. С. 21–22; *Дубровин Н.* История войны и владычества русских на Кавказе. Т. 1. Очерк Кавказа и народов, его населяющих. СПб., 1871. С. 200–207; *Леонтович Ф.И.* Указ. соч. С. 119; *Сталь К.Ф.* Указ. соч. С. 145 и др.

[33] *Покровский М.В.* Социальная борьба адыгейских племен в конце XVIII – первой половине XIX веков и ее отражение в общем ходе Кавказской войны (Матер. к совещанию). М., 1956. С. 9.

[34] ГАКК. Ф. 261. Оп. 1. Д. 890. Л. 2.

[35] *Аристотель.* Политика. Афинская полития. М., 1997. С. 105, 106.

[36] *Люлье Л.Я.* Указ. соч. С. 22.

[37] Письмо г-жи Трусихиной к приятельнице // Кавказ. 1847. № 23. С. 1.

[38] Адыги, балкарцы… С. 293.

[39] *Руссо Ж.-Ж.* Общественный договор. Трактаты. М., 1994. С. 99.

[40] Например, так воспринимались американские индейцы: во время знаменитого «Бостонского чаепития» в 1773 г. патриотически настроенные американцы, выбрасывавшие в море английский чайный груз, были переодеты индейцами, что понималось как символ стремления к свободе и независимости. Вышедшие в 1830-х годах «Записки Джона Тернера», проведшего половину жизни в индейском племени, произвели впечатление даже на российскую публику: «Летопись племен безграмотных, они разливают истинный свет на то, что некоторые философы называют естественным состоянием человека» (*Пушкин А.С.* Полн. собр. соч. В 17-ти т. Т. 12. М., 1994. С. 105). См. также романы Д.Ф. Купера и др.

[41] *Ржондковский А.* Эпизод из жизни шапсугов 1780-х годов // Кавказ. 1867. № 70. С. 403.

[42] Очерк северной стороны Кавказа // Кавказ. 1847. № 2. С. 7.

[43] *Бестужев-Марлинский А.А.* Соч. В 2-х т. Т. 2. М., 1981. С. 49.

[44] *Пушкин А.С.* Полн. собр. соч. Т. 4. М., 1994. С. 99.

[45] *Харламов М.* История возникновения и развития города Армавира в связи с историей Закубанского края // Кубанский сб. Т. XVII. Екатеринодар, 1912. С. 388.

[46] Адыги, балкарцы… С. 456.

[47] *Сталь К.Ф.* Указ. соч. С. 101.

[48] Адыги, балкарцы… С. 589.

[49] Там же. С. 440.

[50] Там же. С. 294.

[51] Там же. С. 440.

[52] *Люлье Л.Я.* Указ. соч. С. 27.

[53] *Хан-Гирей.* Избр. произведения… С. 204.

[54] Историк Т. Моммзен, сравнивавший две базовые цивилизации античного мира – древнегреческую и древнеримскую, пришел к выводу, что «Сущность эллинского духа заключалась в том, что целое приносилось в жертву отдельной личности, нация – общине, община – гражданину… Сущность же римского духа проявлялась в том, что держала сына в страхе перед отцом, гражданина в страхе перед его господином, а всех их в страхе перед богами…» (*Моммзен Т.* История Рима. Т. I. М., 2001. С. 29).

[55] *Броневский С.М.* Указ. соч. С. 186.

[56] *Кумыков Т.Х.* Экономическое и культурное развитие Кабарды и Балкарии в XIX в. Нальчик, 1965. С. 147.

[57] ГАКК. Ф. 799. Оп.1. Д. 5. Л. 32 об–33.

[58] *Бурдье П.* Социология политики. М., 1993. С. 40.

[59] Там же. С. 39.

[60] *Хан-Гирей.* Избр. произведения… С. 210.

[61] *Хан-Гирей.* Князь Пшськой Аходягоко // Сб. матер. для описания местностей и племен Кавказа. Вып. 17. Тифлис, 1893. 30.

[62] ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 730. Л. 89.

[63] *Хан-Гирей.* Записки… С. 124.

[64] ГАКК. Ф. 260. Оп. 1. Д. 204, 1205; Ф. 261. Оп. 1. Д. 527, 890 и др.

[65] Адыги, балкарцы… С. 549.

[66] См.: *Коротаев А.В.* Горы и демократия: к постановке проблемы // Восток. 1995. № 3. С. 18–26.

[67] ГАКК. Ф. 348. Оп. 1. Д. 9. Л. 22.

[68] *Губжоков М.Н.* Этнокультурные процессы на Северо-Западном Кавказе в первой половине XIX в. (по архивным источникам антропонимического характера) // Этюды по истории и культуре адыгов. Вып. 2. Майкоп, 1999. С. 23.

[69] Адыги, балкарцы… С. 485.

[70] *Покровский М.В.* Социальная борьба… С. 6.

[71] *Бларамберг И.* Указ. соч. С. 192.

[72] Идея о «перевороте» конца XVIII в., очевидно, как раз объясняла появление у шапсугов «демократии» с той точки зрения, что «…они адыгейского происхождения…» (Л.Я. Люлье) и, следовательно, изначально были такими же «аристократическими», как и другие адыги.

[73] Адыги, балкарцы… С. 547.

[74] *Бларамберг И.* Указ. соч. С. 192.

[75] Садзы (джигеты) – одно из исчезнувших черноморских абхазско-абазинских «племен».

A.V. S i v e r. Social Organization as Identification Factor by the Adyge Ethnic Group of Shapsugs

Special situation of Shapsugs in Adyge majority is emphasized by their historical «democratic» organization, the memories of which serve as a proof of their sovereignty until now. The coordination of «democratic» vs. «aristocratic» tribes is most likely an ideological construct, however, it has been based on certain objective traits of the Shapsug social organization. When Shapsugs were integrated in the Adyge society, «democracy» continued to remain a distinguishing attribute, which allocated them a special status within the framework of the encompassing Adyge entity.